

Ненадежная Кровь

18+

МАРИЯ
СОЛОВЬЁВА

ПОЛЫНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Мария Соловьева
Ненадёжная кровь

«Теория невероятности»

2026

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Соловьева М.

Ненадёжная кровь / М. Соловьева — «Теория невероятности»,
2026

ISBN 978-5-907962-80-4

Атис Разноглазый – наследник главного казначея Харрадола, дамский угодник и безрассудный воин. Он меняется в одночасье, встретив дочь советника Тиану. Кажется, что этому союзу благоволят сами боги, но горячий нрав – плохой соратник в дворцовых интригах. Атиса отправляют в ссылку и объявляют человеком ненадежной крови. Теперь он живет мстью и не остановится ни перед чем, чтобы вернуться к возлюбленной. Свой титул Атис вернет чужой кровью, предаст друзей и богов. Что может быть страшнее этого? Только взять в помощники чудовищ.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907962-80-4

© Соловьева М., 2026

© Теория невероятности, 2026

Содержание

Пролог	8
Часть 1. Замысел богов	10
1	10
2	16
3	24
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Тот, кто из последних сил
стремится догореть
в небесной высоте,
имеет право называться
звездой**

Мария Соловьёва
Ненадёжная кровь

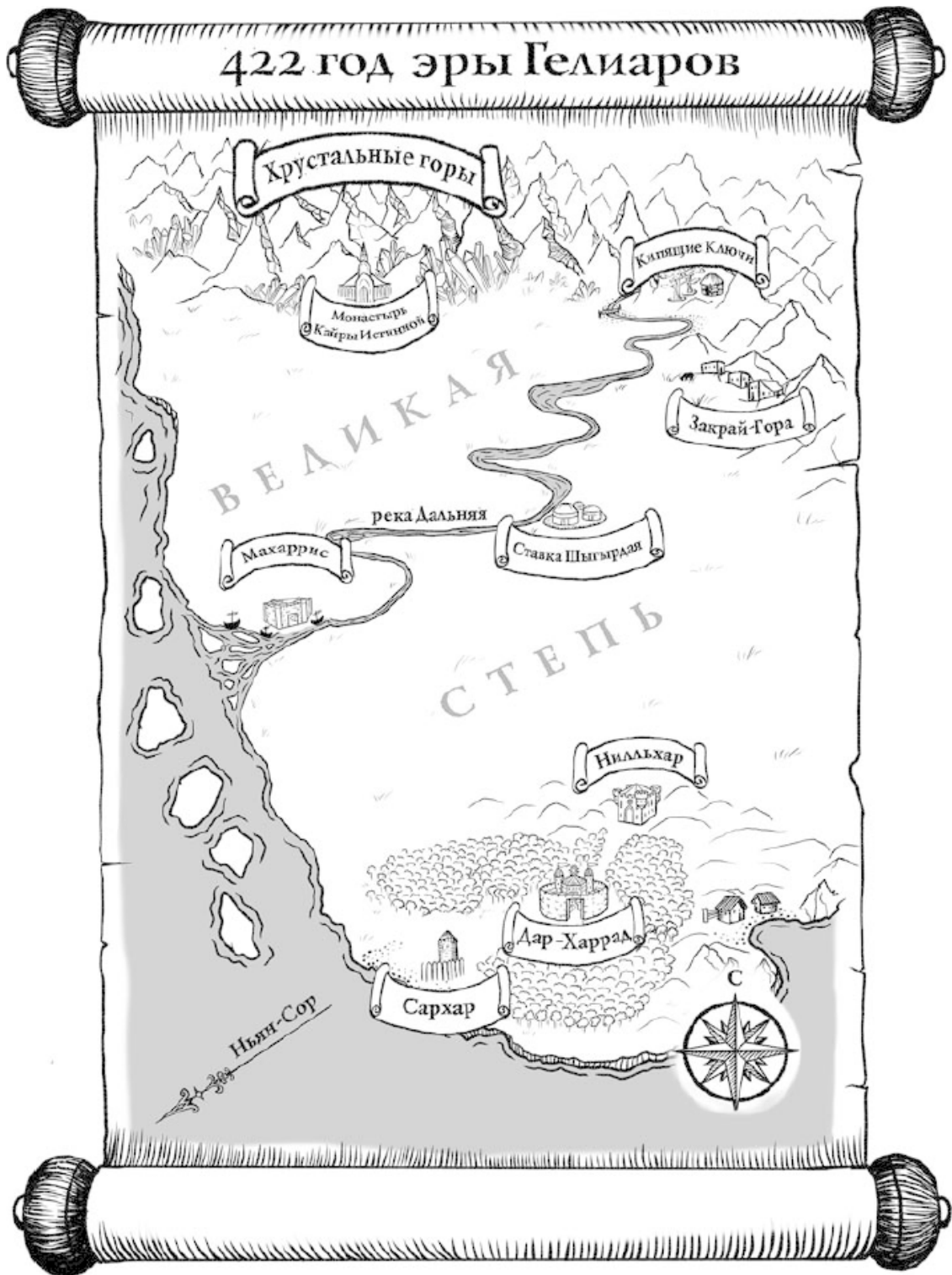
Светлой памяти Александра Придатко (aka Somesin)

Иллюстрация на обложке: Narael Daemon

Иллюстрации: Huldra

© Соловьёва М. В., текст, 2026

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2026

Пролог

Бледно-розовые руины Дар-Харрада явились Бэрре к вечеру третьего дня пути. Жар от каменистой земли шел такой, что воздух переливался и размывал очертания стен. Бэрре даже показалось, что у нее начались видения от зноя. Но нет, это был он, великий в прошлом город, проклятая столица Харрадола. Согласно карте, от Дар-Харрада до ближайшего селения, где можно найти ночлег и еду, не менее двух часов на закат.

Бэрра изо всех сил замолотила голыми пятками по толстым бокам своего мерина. Бесплезно. Умудренный чрезмерно долгой жизнью, он точно знал, что не в суете счастье. В отличие от людей, мерин не боялся древних проклятий и равномерно переставлял широкие копыта, думая о своем. Впрочем, его наездница тоже не боялась. Она спешила не от города, а к нему. Никто не ездил по старой дороге через Дар-Харрад, тратя время на объезд. Бэрра же пустила коня прямо.

Разбитая ветрами и временем дорога входила в город через Восточные Врата, прошивала его насквозь и выходила через Западные Врата, оставаясь идеально прямой, как полет стрелы, пущенной богами к морю. В былые времена умелые всадники, меняя коней, могли доскакать отсюда до берега за три дня, но у Бэрры был лишь старый толстый мерин и надежда увидеть побережье хотя бы на пятые сутки.

Въехав под покрытую облупленными фресками арку Восточных Врат, Бэрра невольно натянула повод. Проклятие, якобы наложенное на Дар-Харрад убитыми здесь мучениками, не помешало окрестным жителям в свое время растащить все, что можно использовать в хозяйстве. Например, Бэрра точно знала, что створки врат были сделаны из негорючего белого дерева, усиленного магией воды. Тем не менее кто-то выломал их и увез. Но не это остановило Бэрру.

По обе стороны врат лежали сброшенные с постаментов статуи размером в пятнадцать мужских ростов. Воин справа, целительница слева. Прочный розовый мрамор было нелегко разбить, он и скульпторам-то поддавался только при помощи магических резак. Но статуи хранителей Дар-Харрада были кем-то изувечены специально. Неизвестные злодеи, видимо, использовали кузнечный молот. Больше досталось мужской статуе: у нее было разбито лицо, отколоты пальцы и украшения на доспехах, все туловище покрывали язвы от ударов. На женской же статуе Бэрра увидела всего несколько вмятин и трещин. Хранительница города, покрытая пылью веков, словно высматривала кого-то в небе – то ли наказать хотела, то ли исцелить.

Если бы старый мерин интересовался миром людей и умел их сравнивать, он бы очень удивился: поверженную статую будто бы ваяли с его хозяйки. Тонкий нос, слишком длинный, чтобы выглядеть изящно, густые брови изломлены слишком круто, чтобы выглядеть добросердечно, а широкому, резко очерченному рту не помогала никакая улыбка. Правда, глаза различались. У статуи – мраморно-розовые и мертвые, а у его хозяйки один – бледно-зеленый, а второй – ярко-синий. Однако у мерина нашлись дела поважнее: на грудь ему сел огромный овод, и он яростно замотал головой.

Бэрра вздрогнула, оторвала взгляд от статуи и тронула конские бока пятками. До Андаррагаша, волшебного города на берегу моря, добираться не менее семи дней. Но что значит какая-то неделя для того, кто годами ждал возможности отомстить?

Часть 1. Замысел богов

1

Три всадника во весь дух неслись к городу, не обращая внимания на вопли крестьян, отпрыгивающих к обочине. Ключья пены слетали с лошадиных морд на мошеную дорогу и лежали там островками снега, словно вешки пройденного пути.

– Не закрыва-а-а-ать! – зычно крикнул первый всадник на самой крупной лошади, огненно-рыжей, как лучи закатного солнца над городом.

В щель между створками огромных белых ворот еще можно было проскочить, но с каждым мигмом она становилась все тоньше.

– Не закрывать! – испуганно завопил наружный страж, увидев несущуюся на него лошадь, и вцепился в створку.

Щель перестала сужаться, и всадники один за другим влетели под арку Восточных Врат Дар-Харрада.

– Ну что, я же говорил! – торжествующе усмехнулся тот, что скакал первым, когда все трое остановили взмыленных лошадей возле ближайшего трактира.

– С тобой, Атис, лучше не спорить! – обреченно сказал круглолицый полный парень на такой же круглобокой лошади с роскошной сбруей. – Я угошаю.

– Нет, Дамид, без меня сегодня, – ответил Атис, похлопывая своего коня по мокрой шее.

– Опять? Что с тобой сделала эта пигалица? – шутливо возмутился третий всадник.

– До завтра, – улыбнулся Атис и поехал прочь по улице, не оборачиваясь.

Он бросил повод, позволяя коню отдохнуть, но тот, до сих пор разгоряченный, так и гарцевал, пугая горожан. Кто-то возмущенно сыпал проклятиями, а кто-то, узнав седока, подобострастно кланялся.

Атис Разноглазый, единственный сын главного казначея, был молод, красив, богат и беззаботен, как и полагалось ему по праву рождения. Даже то, что правый его глаз был бледно-зеленым, а левый – ярко-синим, не портило внешности. Наоборот, в сочетании с угольно-черными волосами, густыми бровями и резко очерченным большим ртом это разноцветье добавляло ему притягательности в глазах женщин, у которых лет с шестнадцати он не знал отказа. Атис с удовольствием пользовался этим, доставляя отцу некоторые денежные сложности, когда приходилось устраивать жизнь испорченным девицам.

А потом на свой первый прием у фаррасха пришла Тиана, дочь советника Кардисса. Это случилось год назад. Ей было пятнадцать, Атису – двадцать. С того самого дня прочие девушки Дар-Харрада, да и всего Харрадола, перестали его интересоваться.

В жены Атису отец прочил одну из дочерей Главного судьи, но, посоветовавшись с оракулом, жрецами и с самим фаррасхом, решил, что единственная наследница советника Кардисса – тоже хорошо. У главного казначея была небольшая слабость: он искренне любил свою жену вот уже тридцать лет. Втайне от общественного мнения он считал, что брак по любви – это редкое счастье, и если денежные возможности сторон совпадают, то нужно отдавать предпочтение чувствам, а не голому расчету.

Атис воспринял согласие отца как должное. С раннего детства он получал все, что пожелает. Поэтому был искренне удивлен, когда Тиана отказалась принять от него рубиновую брошь в виде сердца – ритуальное украшение помолвленной девушки.

Это случилось через неделю после их первой встречи, на праздничной службе в храме Азарии, богини дома и плодородия. По традициям харидов именно под взором Азарии молодые люди делают девушкам предложение руки и сердца, даже если родители договорились обо

всем заранее и сердце оставалось холодным. Было принято задержаться у выхода под увитой цветами аркой и, когда девушка проходит мимо, преградить ей путь, склонить голову и вручить брошь. Как правило, к тому времени вся родня была в курсе, сопровождающие быстренько рассеивались, и молодые люди оставались одни под взором богини.

– Я вижу тебя второй раз в жизни и не знаю ничего, кроме имени, Атис, – сказала тогда Тиана. – Как я могу дать согласие?

– А разве имени мало? – опешил он. – Любой расскажет обо мне и моей семье все, что нужно.

– Нет, я не о недостатке семьи. И не о сплетнях и пересудах. Я о том, что у тебя здесь. – Она легко коснулась его груди тонкими пальцами, обвитыми серебряными нитями. – Лишь познакомившись с твоей душой и твоим сердцем, я смогу задуматься о нашем будущем, если оно вообще возможно.

Она ободряюще улыбнулась и вышла из храма, еле заметно хромя. А он так и стоял с брошью в руке, пока тонкая фигурка с золотистыми волосами не скрылась в богатой карете, запряженной белоснежной четверкой.

Не привыкший к отказам, Атис впал в уныние. Но помощь пришла, откуда он не ждал.

Атайра, его сестра-близнец, не пользовалась успехом у противоположного пола. То, что украшало Атиса, было не к лицу девушке. Слишком густые изогнутые брови делали лицо суровым, а резкие черты только усиливали высокомерие, которое светилось в разных глазах. Большой дружбы брат с сестрой не водили, поэтому, когда Атайра в тот же вечер пришла к Атису, заливавшему тоску вином, он желчно спросил:

– Что, пришла посмеяться надо мной?

– Дурак, – ответила она, – я хочу помочь.

– С чего? Какая твоя выгода?

– Кровь у нас одна. Она призывает помогать – так учат жрецы Кайры.

– Ты не жрица! – огрызнулся Атис.

– Матушке тебя жаль, она переживает, – со вздохом пояснила Атайра. – Собирается тратить какие-то огромные деньги, чтобы развлечь тебя и отправить в путешествие.

– Не хочу.

– Конечно. Лучше я поеду. А ты заполучишь свою златовласку.

– Да откуда ты знаешь, как добиваться женщин?

– Я знаю, каково это, когда тебя не хотят, – тихо ответила Атайра, и Атис отвел глаза.

– Слушаю тебя, сестра, – сказал он через некоторое время.

– Все просто. Покупаешь верность парочки слуг из дома советника Кардисса. Они тебе сдают с потрошками все ее привычки, мечты и просьбы богам. Придумываешь, как это совместить с собой, прекрасным Атисом, и мы гуляем на свадьбе!

Атис внимательно посмотрел на сестру, потом налил полный бокал вина и с улыбкой вручил ей:

– Если получится, я твой должник.

Получилось не сразу.

Во-первых, слуги советника Кардисса оказались по-собачьи преданными своему господину. Но это была преданность, основанная более на страхе, чем на любви. За провинности в доме советника наказывали несообразно жестоко, поэтому его слуги считались самыми расторопными и сообразительными. И все же нашлась одна женщина, у которой в дальней деревне воспитывался незаконнорожденный ребенок. Ее помощь обошлась Атису в десять золотых лартов, невиданную сумму для простолюдинки. За эти деньги можно было купить двух, а то и трех породистых боевых коней, на которых не стыдно сесть самому фаррасху. Кроме того, Атис поклялся именем Гудаира, бога разума и договора, что сын этой женщины со временем

получит работу в дворцовой конюшне. Фаррасх обожал лошадей, и его конюхам жилось лучше, чем некоторым аристократам.

И даже когда Атис узнал все о мечтах и чаяниях Тианы, до успеха было далеко. У молодых людей почти не оказалось общих интересов. Юная Тиана обожала читать книги и рисовать к ним картинки, с интересом слушала храмовые проповеди, увлекалась разведением редких цветов и фруктов, помогала сиротским приютам и не любила шумных балов с танцами и обильными возлияниями. Атис же слыл лучшим танцором, лучшим всадником, лучшим лучником, насмехался над книжной мудростью, терпеть не мог нравочений от жрецов и не пропускал ни одного бала.

В чем они хоть как-то совпадали, так это в любви к лошадям. Но и здесь Атиса ждало разочарование: легкая хромота Тианы оказалась следствием падения с обезумевшего коня в детстве. Девочка, оставшись без присмотра, зашла в конюшню и прямо в стойле залезла на нового жеребца, купленного советником Кардиссом. Злобный необъезженный зверь в первый миг растерялся от смелости ребенка, но потом не просто сбросил ее, а несколько раз ударил. Тиана выжила лишь благодаря тайным знаниям жрецов Азарики. Все переломы срослись хорошо, хромота была почти незаметна. Но это не спасло ни конюха, которого не оказалось на месте в страшный момент, ни служанку, которая должна была следить за семилетней госпожой. Их казнили показательно жестоко, пообещав такую же смерть всякому, кто расскажет девочке, куда делись эти люди.

Тиана с тех пор боялась подходить к лошадям, любила их издали и ездила только в карете, хотя верховая езда была необходимым умением для девушки из высшего общества.

Расплатившись со служанкой, Атис решил действовать незамедлительно. Он потратил несколько дней на поиски идеальной лошади для Тианы. Нужна была спокойная, мягкая и дружелюбная кобыла невозможной красоты, послушная не то что движению повода, а мысли всадника. И при ней непременно должен быть больной жеребенок. Раз Тиана любит помогать сиротам, она не удержится от спасения лошадиного дитя, которого точно не испугается по причине малолетства.

Атис не хотел вредить жеребенку, все же лошадей он любил намного больше, чем людей. Поэтому договорился с верным знахарем, а тот опоил малыша такими травами, которые дают временное недомогание. Подгадав момент, когда советник Кардисс отбудет с фаррасхом в наместничество Нилльхар, Атис лично привел в сад к Тиане богато украшенную кобылу. Жеребенок, еле стоявший на ножках, рухнул прямо перед девушкой, когда та вышла посмотреть на неожиданных гостей. Забыв о своих страхах, Тиана кинулась к малышу.

Замысел удался. Не прошло и недели, как девушка втайне от родителей при помощи Атиса села в седло. Общая тайна сблизила их. Вопреки опасениям Тианы, ее отец одобрил поступок Атиса, хоть и выразил неудовольствие тем, что его не спросили. Ей было разрешено выезжать на прогулки с ним, но в сопровождении служанки. Атис на этих прогулках через силу заводил разговоры о книгах и покорно слушал длинные речи Тианы, пока вдруг не заметил, что ему становится интересно. Разумеется, жизнеописания богов его мало волновали, но вот исторические хроники он обсуждал с удовольствием. Когда Тиана пригласила его посетить сиротский приют, он не посмел отказаться, хотя приготовился к нудному выслушиванию жалобных историй.

Вышло иначе. Один из воспитателей, младший жрец храма Разира, бога войны и победы, узнал Атиса. Жрец представил его горстке мальчишек как прекрасного воина и предложил сразиться на деревянных учебных саблях. К дикому восторгу детей, Атис согласился и до того вошел во вкус, что Тиане несколько раз приходилось напоминать ему, что пора уезжать.

С того дня Атис стал постоянно бывать в приюте вместе с Тианой, и его приезда мальчишки ждали даже больше, чем щедрую дочь советника Кардисса. Внутренний двор, где

играли дети, во время визитов Атиса превращался в арену – все, кто был не занят, приходили смотреть на потешные бои.

По совету сестры Атис не заводил больше речи о помолвке, просто сопровождал Тиану везде, где мог. Очень скоро они настолько привыкли видеться каждый день, что, когда он без предупреждения уехал из Дар-Харрада на две недели, Тиана едва не слегла от волнения.

На пятнадцатый день он вернулся с подарком – корзиной нежнейших ягод нунари, которые росли только в одном месте, в ущелье Хрустальных гор по ту сторону Великой Степи.

Бледная Тиана встретила его в огромном гулком зале для гостей, в присутствии нескольких служанок. Она сидела на высоком отцовском кресле, гордо расправив плечи. Никогда прежде Атис не слышал от нее такого холодного и официального тона.

– Благодарю вас, господин Атис, – проговорила она, глядя мимо него. – Вы могли не тратить драгоценное время и передать это с посыльным.

– Я хотел лично вручить... – озадаченно сказал Атис, не ожидавший такого приема.

– Вы слишком заняты, я не смею пользоваться вашей добротой. К тому же мой отец вполне способен купить для меня корзину нунари. Впредь не утруждайтесь, прошу вас.

– Не утруждаться?! – вспыхнул Атис. – Да я чуть не убится, пока сам лично ползал по скалам и собирал их для тебя! Что случилось-то? Опять жрецы тумана напустили?

Тиана вздрогнула от его крика, а потом сделала знак служанкам удалиться. Когда шорох платьев затих и тяжелая дверь захлопнулась, она впервые посмотрела ему в глаза.

– Я не знала, что и подумать! Ты просто взял и пропал! – голос ее дрогнул. – Это неуважение, я этого терпеть не намерена!

– То есть ты переживала за меня? – Он улыбнулся и сделал шаг вперед.

– Я за всех переживаю!

– Да-да, я помню. – Он сделал еще шаг и поставил корзинку у ножки кресла. – Но за меня переживала больше остальных?

Тиана не ответила и отвернулась, но наполнившиеся слезами глаза выдали ее.

– Я клянусь всеми богами больше так не делать. Никогда. – Атис стоял теперь так близко, что касался носками сапог подола ее нежно-молочного платья. – Если...

– Если что? – не выдержала она затянувшейся паузы.

Когда испуганная служанка приоткрыла дверь сообщить о том, что к залу идет сам советник Кардисс, Тиана с Атисом смеялись и, пачкаясь липким соком, кормили друг друга ягодами нунари. На груди Тианы, чуть ниже левой ключицы, сияло рубиновое сердце.

– Ну вот, всего-то два месяца! – весело подвела итоги Атайра, когда вечером Атис заглянул к ней в комнату с кувшином лучшего отцовского вина.

– Все равно это было жестоко, – сказал он. – Если бы не ты, я бы в жизни не решился вот так просто сбежать в горы. Мне один день без нее в тягость, а уж две недели...

– Зато действительно, – поучительно ответила Атайра.

– Итак, что я теперь должен для тебя сделать, о моя мудрая сестра? – спросил он, присаживаясь в расшитое огромными птицами кресло.

– Пока ничего. Но в нужный момент я попрошу тебя об услуге, и ты не откажешь, о мой блистательный брат.

– Нет, погоди! Вдруг ты попросишь невозможного? Или вредного для Тианы.

– Клянусь Кайрой, ничего невозможного. И никакого вреда девице, которая обуздала наконец моего братца, я не причиню. – Атайра торжественно подняла левую руку, унизанную кольцами и браслетами сверх всякой меры.

– Тогда уговор, – кивнул Атис.

– Уговор. Но все-таки что ты в ней нашел?

– У нее глаза как темный мед, – вздохнул он и замолчал, глядя куда-то сквозь стену.

– О, ну так это все объясняет! – хохотнула Атайра и налила себе полный бокал.

Свадьбу назначили ровно через восемь месяцев – в день празднования шестнадцатилетия Тианы. Для друзей Атиса наступили скучные времена. Он не перестал ездить на охоту, иногда немного выпивал по старой памяти, но всякий раз, когда разгул достигал определенного момента и вокруг возникали роскошные доступные женщины, Атис уходил. На шутки о том, что жизнь перед свадьбой нужно проводить иначе, он отмалчивался, а когда мужская энергия била через край, изнурял себя скачкой или борьбой.

Вот и сегодня он устроил своим друзьям на границе Великой Степи такое состязание, что нескольких лошадей пришлось оставить местным крестьянам, потому что бедные животные после безумной скачки и шагу ступить не могли. Да и не все люди вернулись в Дар-Харрад. Только его близкий друг Дамид и дальний родственник Дамида Хирч пошли на спор в надежде, что лошади не донесут их до города прежде, чем закроются Восточные Врата, и Атис проиграет сотню серебряных лартов.

Огненно-рыжий конь наострил уши и бодро свернул в тень узкой улицы. В конце нее виднелся резной бледно-розовый фасад с огромными окнами, в которых отражалось закатное солнце. Но тут Атис вздрогнул, будто очнувшись от грез, и натянул повод:

– Нет, друг, домой чуть позже.

Конь вздохнул почти как человек и без понуканий вернулся на широкую мостовую. Дальнейший путь проходил сначала по Винной улице, когда-то самой любимой у Атиса, потом по улице Стекольщиков, а потом Конюшенный переулок вывел их к самой роскошной улице Советников. Здесь вообще не было видно простолудинов, бродячих собак и крыс, зато у ворот каждого дома стояло по два, а то и по три стражника. Высокие каменные заборы, сплошь расписанные тонкими фресками-оберегами, надежно укрывали внутренние сады и дома советников от нескромного взгляда. Впрочем, тех, кому не стоило пялиться на жизнь и быт первых лиц Харрадола, сюда и так не допускали. Даже слуги и поденные работники приходили в дома советников с задних ворот, с улицы Прачек или из переулка Зеленщиков.

Породистая лошадь, дорогая сбруя, расшитый золотом короткий плащ Атиса, а более всего его массивный перстень с родовым гербом без слов приказывали стражникам вытягиваться в струнку, когда господин проезжал мимо них.

У ворот советника Кардисса рыжий конь остановился сам. Стражник в бледно-голубом, фамильном цвете Кардиссов, низко поклонился и кинулся было открывать, но Атис сказал:

– Не надо. Передашь вот это госпоже Тиане. – Он протянул стражнику шелковый мешочек.

Стражник нерешительно замер.

– Можно, можно. Я все понимаю, – усмехнулся Атис.

Стражник виновато ухмыльнулся и развязал тесемки. В мешочке лежало два гладких белесых полупрозрачных камешка, которых много в Великой Степи. Только мало кто осмеливается их брать, ведь высеченные на них слова никак не обернуть вспять.

– Камни Судьбы? – прошептал стражник.

– Они безвредны, ты же видишь: ничего еще не написано. Отдай госпоже, она знает, что с ними делать.

Атис развернул коня, и тот радостно погарцевал в сторону дома.

До праздника совершеннолетия деви Тианы Кардисс и ее свадьбы с Атисом Разноглазым оставался месяц.

2

К балу Долгого Заката готовился весь Дар-Харрад. Это была одна из самых любимых традиций харидов, которой и не вспомнить, сколько веков. В самый длинный день лета сад вокруг дворца фаррасха открывался для всех, даже нищие могли угоститься плодами и ягодами с диковинных кустов, погулять среди фонтанов, а потом заглянуть в окошко Золотого зала, где одновременно помещались семь сотен танцующих пар.

Атис любил праздник Долгого Заката. В прошлые годы он умудрялся за время бала, который длился почти сутки, потанцевать с полусотней дам. С десятком из них он успевал ненадолго уединиться в заросших плющом беседках, будто специально спрятанных в дальних уголках сада. Две или три особенно приятные дамы какое-то время встречались с ним и после, пока ему не надоедало и он не откупался от них дорогими подарками. Но все это осталось позади.

В день праздника Атис в очередной раз расстроил своих друзей. Вместо того чтобы основательно подготовиться к танцам в любимой таверне «Пьяная кобыла», как они делали вот уже пять лет, он направился к дому советника Кардисса и почти час провел в беседах с отцом Тианы, в то время как ее одевали к балу.

Мужчины сидели в малом приемном зале, неторопливо цедили ягодный вагр и обсуждали достоинства и недостатки новых лошадей. Советник Кардисс, сдержанный и высокомерный, считал, что его единственной дочери не достоин не только Атис Разноглазый, но и сам Гелиар Семнадцатый. Однако положение главного казначея и его связи с самыми влиятельными жрецами имели значение. Грядущий брак обещал усиление позиций Кардисса в подковерной борьбе с другими советниками, да и фаррасх был благосклонен к Атису. А сам жених находчив, разбирался в лошадях и, похоже, готов умереть за Тиану – этого вполне хватало. Репутация Атиса мало волновала советника, все без исключения молодые сыновья знатных домов вели себя примерно одинаково, просто кому-то доставалось больше денег и женщин.

Когда Тиана вышла к ним, Атис восторженно охнул и встал, приветствуя ее поклоном. Советник неторопливо отставил кубок и оценивающе осмотрел молодых людей.

– Надеюсь, вы понимаете, зять мой грядущий, какое бесценное сокровище получаете от богов. И от меня, – самодовольно ухмыльнулся он.

– Я клянусь быть достойным этого дара! – ответил Атис, не отводя взгляда от смущенной Тианы и подавая ей руку.

Девушка и впрямь была невероятно хороша в новом платье, специально пошитом для ее первого бала Долгого Заката. Нежно-голубой сияющий шелк сдержанно облегал тонкую талию и водопадом струился вниз, превращаясь в длинный шлейф. Глубокий вырез на груди, которая еще не обрела всей формы, был украшен серебряным шитьем, а на высоком полупрозрачном воротнике, доходящем до скул, повторялся цветочный узор длинных рукавов. Рубиновая брошь-сердце казалась слишком яркой, слишком напористой на небесном шелке, но тем важнее был ее смысл. Золотисто-рыжие, с отблеском, тяжелые волосы Тианы были убраны в высокую прическу с крошечной диадемой на самом вершине, и лишь один локон спускался на тонкую белую шею. Этот локон сводил Атиса с ума. Ему так и хотелось поправить его, но касаться прически невесты на людях он не имел права.

Проходя через несколько пустых гулких залов, где замершие у дверей слуги казались статуями, Тиана шепнула ему:

– Я подписала наши камни. Отдам твой, как останемся одни.

Атис кивнул. Он держал невесомую ладонь своей невесты, вдыхал еле различимый цветочный аромат ее духов и недоумевал, почему боги так слепы и подарили ему за все его проступки такое счастье.

К дворцу фаррасха Тиана и Атис ехали верхом, строго перед окнами кареты советника, чтобы быть на глазах старших и соблюдать приличия. Как ни уговаривала мать Тиану пожалеть платье, девушка решительно отказалась:

– Магушка, после свадьбы я не буду иметь права на людях сесть в седло! У меня осталось две недели, дозвожь насладиться ими в полной мере!

Казалось, Тиана пытается наверстать годы, упущенные в страхе перед лошадьми. Она много ездила верхом в компании Атиса, слуг, отца, подруг – кого угодно, лишь бы подальше и подольше. Подаренная Атисом кобыла стала первой, но не единственной ее лошадью. Отец на радостях, что дочь победила свой страх, закупил для нее еще троих. Но сейчас, в праздник Долгого Заката, она ехала именно на той, серебристо-серой, идеально подходящей под голубое платье.

У ворот дворца фаррасха толпились простолюдины, гулом и восторженными вздохами провожающие каждую карету, что въезжала под золоченую арку. Улыбаясь толпе и разбрасывая серебряные ларты, как того требовал обычай, высокородные гости следовали по широкой дороге к центральной лестнице. Особенно напористых горожан сдерживали стражники – простым людям вход в сад позволялся только когда последний опоздавший гость поднимется по белым ступеням.

– Будь готова, – шепнул Атис Тиане, когда они в плотном потоке важных камзолов и роскошных платьев приблизились ко входу в Золотой зал.

– К чему?

– Жуткому величию золота, – усмехнулся он. – Отцу стало дурно, когда он впервые сюда попал, а уж он-то привык к блеску.

Вместо дверей вход в Золотой зал преграждали тяжелые темно-зеленые шторы, расшитые гербами фаррасха. От множества гордых коронованных орлов, рвущих змей, у Тианы зарябило в глазах. Она опустила взгляд и так шла, пока шторы не разомкнулись перед ней и Атисом. Тиана посмотрела вперед, сдавленно пискнула и прищурилась.

– Я же говорил: осторожнее, – еле слышно, но весело сказал Атис и сжал ее ладонь.

Сквозь сомкнутые ресницы Тианы в самую глубину ее глаз било золотое сияние, подобное солнечному. Бесчисленные зеркала Золотого зала отражали свет огромных шаров, висевших под потолком, будто перебрасывали друг другу раскаленные солнечные мячи. Рамы этих зеркал, стулья, столики с закусками вдоль стен, узорная лепнина потолка, инкрустация паркетных плиток на полу, причудливо задрапированные шторы на окнах, одежда слуг, подносы и посуда на них – все было отчаянно золотым.

– Как... как оно так светится? – ошарашенно прошептала Тиана, когда ее глаза немного привыкли.

– Магия фаррасха. При его отце потолочные шары горели еще ярче. Я застал то время. Пойдем, – Атис потянул ее вперед, – нам нужно выказать почтение и радость видеть наше солнце, Его Светимость Гелиара Семнадцатого.

Все еще шурясь и крепко вцепившись тонкими пальцами в рукав Атиса, Тиана проследовала за ним через весь необъятный зал к тронной стене. Там, возвышаясь над сотнями гостей, в окружении советников и раззолоченных рабов с опахалами, сидел молодой фаррасх Харрадола Гелиар Семнадцатый. Он был как две капли воды похож на своего отца, Гелиара Шестнадцатого, разве что ниже ростом, но значительно шире в щеках и в талии. Те же жидкие волнистые каштановые волосы, узкий высокий лоб, темные, как ночь, большие глаза и чрезмерно гордый подбородок, острота которого сглаживалась сытой пухлостью. А вот в одежде Гелиар Семнадцатый предпочитал вкусы бога Гудаира: много черненого серебра и мягкого, темно-зеленого бархата. Предыдущий же фаррасх, рьяный почитатель бога Разира, обожал золото и шелк цвета крови.

Со дня смерти Гелиара Шестнадцатого прошло всего два года. В Дар-Харраде рачительно относились к дорогой одежде, так что у многих аристократов еще остались плащи и камзолы расцветки, что радовала глаз прежнему фаррасху, но приводила в бешенство его сына. И тут уже каждый решал сам, рисковать или не стоит.

Главный казначей, как человек предусмотрительный, быстро поменял свой гардероб, чтобы не сердить нового фаррасха, но Атису нравилось сочетание темно-красного и золотого. И как бы ни настаивал отец, сын пришел на бал Долгого Заката именно в этих цветах.

– Неужели у нашего главного казначея нет средств, чтобы обновить одежду единственному сыну? – сипло и неприязненно поинтересовался фаррасх, когда Атис и Тиана склонились перед ним.

– Ваша Светимость, нам предстоят большие свадебные расходы, там все и поменяем. Рачительность и экономия – залог процветания как отдельных благородных домов, так и всего Харрадола, – почтительно ответил отец Атиса, стоявший слева от трона.

– Ну да, ну да... Свадьба. Это правильно, это хорошо, – снисходительно кивнул фаррасх и повернулся к Первому советнику, который подобострастно склонился к трону, лишь заметил движение повелителя. – Нам тоже пора жениться, не так ли?

– Да, Ваша Светимость, – с глубоким поклоном сказал пухлый старик в темно-зеленой мантии, – мы ищем вам невесту, подходящую по божественной мозаике. Вы же понимаете, без одобрения богов ничего не выйдет. Ваш великородный отец покинул нас слишком быстро, у него не было ясного видения вашей судьбы, а храмовые искатели надежной крови...

– Не сваливайте на других то, что сами не можете сделать! – огрызнулся фаррасх, и многие из стоявших рядом опустили взгляд.

Никто не знал наверняка, но по Дар-Харраду изящными тонкими змейками ползали слухи, что Гелиар Семнадцатый помог отцу раньше времени освободить престол.

Когда последний из сотен приглашенных гостей склонился перед тронном, объявили первый танец. Тиана сжала руку Атиса, и он почувствовал, как мелко дрожат ее пальцы.

– Я боюсь, – тревожно прошептала она.

– Чего? – весело удивился Атис.

– Ошибиться.

– Это простой танец.

– Для тебя – да...

– Не бойся! – Он подмигнул. – Мы не первые в спирали. Если спутаешь ногу или споткнешься, никто не заметит. Ну и я рядом.

Танец, открывающий бал Долгого Заката, был сложным и для бывалых танцоров. Посвященный разом богиням Кайре и Азари, он символизировал вечную спираль бытия. Под постоянную смену быстрого и медленного ритмов барабанов и флейт пары двигались в ряд, постепенно закручивая спираль к центру зала. Потом ее следовало превратить в круг и уже из этого круга развернуть, вернувшись к началу.

По древним обычаям в первой паре спирали стоял фаррасх с избранницей, а если таковой не оказывалось, то с матерью или сестрой. Еще два года назад так и было. Гелиар Шестнадцатый безошибочно вел спираль рука об руку со своей женой, мачехой нынешнего фаррасха. После скоропостижной смерти отца Гелиар Семнадцатый обвинил ее в заговоре, но не стал пачкать руки в крови перед восшествием на престол, а сослал в горный монастырь Кайры, самый удаленный из возможных. Сам же новый фаррасх танцев не любил, сестры и матери у него не было, а к древним традициям харидов он относился пренебрежительно, так что великой чести вести спираль удостоивался каждый раз новый человек. Как правило, из советников. В этот раз жребий пал на главного казначея, и тот тоже немного нарушил традицию – взял для танца свою дочь Атайру.

Расчет казначея был понятен: двадцать один год – это возраст, когда харидская девушка из высшего общества уже пару лет должна быть замужем, а то и при ребенке. Не сказать, чтобы женихи избегали Атайру, но у них был слишком выраженный денежный интерес, притом что сами они со своими состояниями не дотягивали даже до казначеев дальних провинций. Атайра решительно отвергала всех, ей нужен был только самый высокородный муж. Показав ее в лучшем виде на главном балу года, предварительно подкупив Высший жреческий совет, Дайдар Разноглазый всерьез рассчитывал поймать одним силком двух перепелок: породниться с фаррасхом и исполнить мечту дочери.

Одетая в те же цвета, что и фаррасх, усыпанная драгоценностями на грани хорошего вкуса, Атайра выглядела уверенно и богато, но среди семи сотен девушек и женщин почти половина была красивее ее. Впрочем, сам Гелиар Семнадцатый не очень интересовался женщинами, и замысел главного казначея был близок к свершению. Высокая и статная, Атайра двигалась в танце идеально и полностью завладела вниманием не только фаррасха, но и всех прочих зрителей.

Атис знал о плане отца, но не думал об этом. Сквозь барабанный ритм он отчетливо слышал, как Тиана шепотом считает шаги, и улыбался. Сам он считал совсем другое – дни, если не часы, до того момента, когда эти медовые глаза будут смотреть на него сквозь полупрозрачный полог брачного ложа.

После танца спирали сразу же, без передышки, объявили танец незамужних девушек, и его тоже вела Атайра, что стоило ее отцу полсотни золотых лартов. Сорок восемь девушек словно плыли над сияющим полом, сходясь в пары и четверки. Когда Атайра оказалась в паре с Тианой, Атис с удовольствием наблюдал, как они мило переговариваются и искренне улыбаются друг дружке.

– Какая идиллия, прямо лиса и голубка, – вдруг раздалось у него за спиной.

Атис замер и медленно обернулся. Он слишком хорошо знал этот томный, сладкий голос.

– Госпожа Ниллис, доброй жизни, – сдержанно кивнул он и сделал шаг в сторону от нее.

– Доброй жизни, друг мой милый.

Высокая дама в густо-синем платье, отделанном драгоценным мехом, шагнула к нему и взяла под руку. От нее шел головокружительный, ни на что не похожий аромат, который невозможно забыть. И темно-серые глаза ее, насмешливо-наглые, и полные губы, и тонкие, но сильные руки – все это было ему знакомо, но не вызывало радости. Он хотел было отойти, но госпожа Ниллис крепко держала его, впившись острыми ногтями в ткань камзола.

– Ты не рад мне?

– Счастлив безмерно, – огрызнулся он.

– Ну не груби, мальчик мой. Плохо быть злопамятным, – проворковала она. – Я же не сержусь на тебя.

– Хорошо, – сквозь зубы процедил Атис, не глядя на нее.

– Поздравляю со скорой свадьбой!

– Спасибо.

– Тиана Кардисс – славная девочка, но простоватая для тебя, – с улыбкой сказала госпожа Ниллис.

– Не твое дело! – рыкнул он.

– Конечно, не мое, – согласилась она, – но я могла бы обучить ее разным премудростям...

Ну, ты понимаешь, о чем я.

– Не смей к ней приближаться!

– Зря ты так. Я ведь точно знаю, что тебе нужно, и могла бы помочь сделать вашу жизнь сказочной.

– Я сказал, нет!

– Как хочешь. Тогда ее воспитает твоя властная сестра, а милая Тиана слова ей поперек сказать не посмеет, святая простушка.

– Ты бы лучше с мужем танцевала.

– Он не приехал, дела держат. Такая жалость. – Она притворно вздохнула, а потом пристально посмотрела ему в глаза. – Я совсем одна сегодня и не против кое-что вспомнить. Думаю, и ты будешь не против. Свадьба лишь через две недели, а ты меня точно не забыл, я это чувствую, клянусь жизнью.

Атис скрипнул зубами и отвел взгляд. Танец девушек никак не кончался, Тиана с Атайрой переместились в самый дальний край зала, и Атис их не видел за десятками нарядных фигур. Ему до судорог захотелось посмотреть в глаза Тиане, будто их свет мог поддержать его. Госпожа Ниллис была права: за два года с момента их расставания он знал многих красавиц, но ни одна из них и рядом не стояла с женой наместника Ниллиса.

– Прощу, оставь меня, – глухо сказал он, – наши пути разошлись. Ты прекрасна, но я тебя не люблю. Да и ты меня тоже. Просто тебе скучно. Найди какого-нибудь юнца, помани одним пальчиком, и он у твоих ног, ты же это прекрасно умеешь.

– Атис, милый мой Атис! Ты не понимаешь? Меня нельзя отвергать. Это попросту невозможно, – шептала она ему на ухо, и от ее близкого дыхания у него ныло в животе. – Если я хочу провести время с тобой, я проведу его с тобой, а не с каким-то там юнцом. Ты злишься, и это лишний раз доказывает, что твоя мужская сила не находит выхода уже почти год.

– Откуда тебе это известно? – Атис вскинул голову как от удара кнутом.

– Твои друзья – мои друзья, забыл? – усмехнулась она и понизила голос, так как музыка наконец стихла и девичий танец завершился. – Жду тебя в нашей беседке через полчаса. Не придешь – будешь жалеть всю жизнь.

Она улыбнулась и величаво ушла, сдержанно отвечая на поклоны окружающих. Только сейчас Атис заметил, что Хирч и Дамид лукаво смотрят в его сторону. Догадка ошарашила его, но он не успел дойти до друзей – Тиана, раскрасневшаяся, с блестящими глазами, подбежала к нему и взяла за руку:

– Атис, я обожаю твою сестру! Она чудесная! Я так счастлива, что мы с ней скоро будем одной семьей!

Он рассеянно кивнул, пытаясь понять, что делать с госпожой Ниллис, верными друзьями и безнадежно испорченным вечером.

– Я хочу в сад! – сказала Тиана, не замечая его состояния. – Там зацвели фирунии, заметила их по приезде. Пойдем?

Атис дал ей себя увести. На свежем воздухе стало проще соображать, а назойливый образ госпожи Ниллис наконец побледнел в обществе Тианы.

Они неторопливо шли по аллее, обсаженной кустами фируний, держались за руки и молчали, пока аллея не уперлась в ажурную беседку с маленьким говорливым фонтаном внутри. Атис вздрогнул, огляделся и облегченно выдохнул – это была не та беседка.

– Ты какой-то задумчивый, – сказала Тиана, – что-то случилось?

– Ничего особенного, – через силу улыбнулся он. – Просто устал.

– Я знаю, чем тебя взбодрить, – хитро прищурилась она и подошла ближе к садовому светильнику, что сиял под крышей беседки, завитой плющом.

Пока Атис недоумевал, Тиана вынула из небольшой, расшитой серебром бальной сумочки тот самый мешочек и торжественно протянула ему:

– Вот, читай!

Атис вынул из мешочка камешек, взгляделся в буквенную вязь и прочитал:

– «Тиана любит Атиса до самой смерти».

– Это мой, – пояснила она очевидное. – Смотри дальше.

На втором камешке той же изысканной вязью было написано: «Атис любит Тиану до самой смерти».

– И всё? – озадаченно спросил он.

– Что значит «всё»? – вскинула Тиана тонкие рыжие брови.

– Это Камни Судьбы. Озвученное не исправить. А ты так легкомысленно их подписала...

– Атис, ты что такое говоришь? Я написала самое главное: что мы любим друг друга до смерти!

– Любовь штука сложная, – вздохнул Атис. – Надо было бы подробностей добавить. Вроде «будут вместе до скончания времен» или «счастливо состарятся вместе».

– А разве это не одно и то же?

– Нет.

– Вот и писал бы сам тогда, если такой умный! – Она надула губы.

– Я не имею этой силы, ты же знаешь. Из нас двоих только ты чистая безгрешная душа. – Он улыбнулся, чтобы сгладить неловкость момента, и поцеловал ее запястье.

Тиана вздохнула и улыбнулась в ответ. Потом потянула его за руку к резной скамейке.

Они сидели, держа в ладонях свои Камни Судьбы, слушали журчание фонтанчика, в котором играл отраженный свет, и просто молчали, вдыхая густой вечерний аромат фирий. О времени они не думали, пока вдалеке не послышался женский смех. Невидимая в сумерках женщина хохотала над чем-то, что неразборчиво бубнил второй голос. Атис вскочил, прислушался и сел обратно, немного успокоившись.

– Ты чего? – Тиана словно очнулась от дремы и смотрела на него полусонными глазами.

– Показалось. Пойдем? Сейчас начнутся ночные гуляния, а это зрелище не для порядочной девушки, – попытался отшутиться он. – Лучше еще потанцуем.

Тиана безропотно встала, взяла его под руку и весь путь до дворца прошла молча, будто не хотела мешать Атису приглядываться к каждой паре и прислушиваться к каждому шороху в кустах.

Госпожу Ниллис они встретили у дворцовой лестницы. Она величаво плыла в сопровождении подвыпившего юноши в белом, которого Атис не знал. Пары раскланялись и проследовали каждая своим путем, но Атису так пекло затылок, что он не удержался и обернулся. Госпожа Ниллис, казалось, могла прожечь в нем дыру гневным взглядом, и Атис порадовался, что ей не доступна магия жриц Кайры.

– Повезло Рудану, – вдруг сказала Тиана и хихикнула, – самую прекрасную женщину мира сопровождает на прогулку.

– Ты знаешь их? – опешил Атис.

– С детства. У наместника Ниллиса с папой какие-то свои дела, мы несколько раз гостили у них в замке. Она... – Тиана восторженно вздохнула, – она такая чудесная! Мне кажется, ее все мужчины Харрадола должны любить, без исключения. Но она очень благовоспитанная, честная и верная. Рудану только и остается, что вздыхать и сопровождать ее, когда муж занят.

– А он-то кто?

– Дальний родственник фаррасха через наместника Ниллиса, боковая ветвь. В столице почти не бывает, жрец-ученик в каком-то удаленном храме Кайры, я точно не скажу. Папа знает, если тебе интересно.

– Не очень. Мне с тобой интереснее.

Атис увлек ее в Золотой зал, и три танца подряд они не думали ни о чем, кроме как о радости общего движения. Когда Тиана попросила передышку и направилась вместе с матерью в Сладкий зал, любимое место общения благородных дам, Атис наконец-то выхватил из толпы гостей Дамида. Друг его был изрядно навеселе и полез обниматься.

– погоди, – отстранился Атис, – сначала скажи, какого пса вы развязали языки?

– Ты про что?

– Гатга Ниллис.

– А... Ну, мы просто по-дружески пожаловались ей, что ты теперь не с нами. И это истинная правда, нам так без тебя плохо, Атис! – трагично и пафосно воскликнул Дамид, повиснув на плече Атиса.

– Вот же скотина пьяная, – вздохнул Атис и потащил друга в сторону выхода.

Дамид не сопротивлялся, а когда они оказались на воздухе, даже взбодрился и, прищурившись, поинтересовался:

– Ну, у вас все получилось?

– Ты о чем?

– Как о чем? Госпожа Ниллис, – заговорщически озираясь, уточнил Дамид.

Атис почувствовал, как злость бурлит в груди и требует немедленного выхода. На огромной дворцовой террасе было много народа. Где-то недалеко, судя по стражникам, сам фаррасх дышал вечерней свежестью. Атис решил увести Дамида подальше и там уже окончательно разобраться, но тут перед ними возникла белая фигура.

– Э-э-э! – возмутился Дамид и громко икнул. – Нам рано к вашей богине!

– Богине вы не интересны, – блеснул зубами Рудан, который уже не казался таким пьяным, как в обществе Гатты Ниллис. – Я просто хотел благословить Атиса Разноглазого на долгий плодородный брак.

– Благодарю, – озадаченно ответил Атис.

– Ваша благодарность богам станет безбрежной, когда наконец насладитесь женой. – Рудан многозначительно улыбнулся. – Она дивно хороша на ложе, уж я-то знаю, о чем говорю.

– Что? – Атис не поверил ушам.

– Ваша невеста – горячий пирожок и, да будет воля Кайры, остынет не скоро, – сладенько и глумливо проговорил Рудан.

– Жрец, ты что несешь? – еле удерживаясь от крика, спросил Атис.

– Истину, и ничего кроме.

– Атис, – тревожно сказал Дамид, – не обращай внимания, он бредит. Ты же знаешь, эти белые всякую дрянь едят, от чего в голове дым.

– Жрец, бери слова назад, а то я их тебе в кишки запихну вместе с твоим поганым языком! – Атис не обращал внимания на Дамида.

– Как думаете, господин Разноглазый, откуда мне известно о родимом пятне в форме пшеничного зерна ниже пупка у безгрешной девы Тианы? – продолжал Рудан все тем же голосом.

– Ложь! – вскричал Атис, перестав сдерживаться.

– Сладкая истина! – облизнулся Рудан.

В следующий миг он лежал на полу, отплевываясь кровью и осколками зубов.

Суд фаррасха состоялся там же, на дворцовой террасе, и был кратким, как падение яблока с ветки.

– Нам очень неприятно, когда наши подданные портят чудесный праздник, – скривив толстые губы, протянул Гелиар Семнадцатый, глядя сверху вниз на коленопреклоненного Атиса, рядом с которым стоял бледный дрожащий отец.

– Умоляю о помиловании, Ваша Светимость! Сын мой молод и горяч, но мы чтим богов и готовы сделать крупное пожертвование, – сказал главный казначей, не поднимая глаз.

– Нам кажется, что сто дней на морской заставе Сархар в качестве десятника помогут Атису Разноглазому запомнить правила поведения при нашем дворе, – задумчиво отозвался фаррасх, почесывая подбородок.

– Сто дней в этой дыре?! – вскричал Атис, не обращая внимания на тычки в бок от отца. – У меня свадьба через две недели, какие сто дней?

– Пожалуй, двести будет надежнее. – Гелиар зевнул и отвернулся от них. – Подавайте ужин.

3

Атис Разноглазый лежал в шатре, высунув босые ноги наружу, и следил за букашкой, что ползла по его штанине. Закатные лучи превратили букашку в нежную драгоценность, которой не место на грязных кожаных штанах. Атису тоже было здесь не место.

Полупустая бутылка с душистым розовым вином стояла рядом, но через ее заговоренное стекло лучи солнца не пробивались, отчего тень, лежащая на ковре, выглядела бесконечно мрачной. Это была девятнадцатая бутылка, что соответствовало девятнадцатому дню ссылки. Атису же казалось, что он здесь уже целую вечность.

Десятнику граничной стражи не полагалось отдельного шатра, но Атис Разноглазый не был простым десятником. Такие, как он, вообще не служили на границах Харрадола и брали в руки оружие только во время войны или на охоте. Впрочем, такие, как он, и фаррасху обычно не перечили.

Атис сделал глоток, посмотрел на букашку и улыбнулся. Золотистые прозрачные крылышки напомнили ему волосы Тианы. Тонкий локон, стянутый серебряной нитью, надежно хранился в медальоне и грел Атису сердце, а письма, которых за девятнадцать дней было два, лежали в изголовье походного ложа.

Путь из Дар-Харрада в Сархар, забытое богами местечко на берегу Моря Ста Ветров, был небыстрым, и даже самые расторопные гонцы преодолевали его за четверо суток, меняя лошадей. На двадцатый день как раз должно прибыть новое письмо от Тианы – Атис уже предвкушал долгое чтение и бессонную ночь полнолуния. Над Морем Ста Ветров почти не бывало туч, их сдувало. Поэтому ночами можно было видеть все звезды, до единой, а если на небо выбиралась луна, то белые скалы Сархара, отражавшие ее свет, позволяли читать вовсе без огня.

Атис сделал новый глоток, прикинул, сколько еще осталось в бутылке, и отставил ее в сторону. Он обещал Хирчу, что будет угощать его матушкиным особым вином. Задиристый друг, единственный, кто одобрил неприемлемый поступок Атиса на балу, добровольно отправился с ним в Сархар помощником десятника. Впрочем, Хирчу, в отличие от Атиса, это было выгодно: незаконный сын восьмого советника Карабада, он не имел прав на наследство, но зато мог подняться по службе и рассчитывать на выгодную женитьбу. Особенно отличившимся фаррасх лично подыскивал партию.

Как именно можно было отличиться на пустом побережье, Атис не представлял, но у Хирча был другой взгляд на вещи. «Когда готов к битве, она обязательно нагрывает!» – поговаривал Хирч, начищая короткий меч для ближнего боя.

Они ежедневно упражнялись, и Атис довольно легко одолевал Хирча раз за разом – тот был очень высоким и немного неуклюжим, отчего страдал и злился на Атиса, но вида не показывал.

Вот и сейчас после вечерней учебной битвы взъерошенный Хирч ушел купаться, пока Атис, не взмокший, наслаждался очередной бутылкой розового.

Двести бутылок, по одной на каждый день ожидания – это была матушкина идея. Сотню привезли сразу, вместе с обозом, а по истечении срока она обещала прислать оставшееся. Забота ее грела душу почти так же, как любовь Тианы.

Атайра искренне расстроилась, когда отцу не удалось переубедить фаррасху и смягчить наказание. Она собрала Атису целый ларь книг и взяла обещание, что он за время ссылки прочтет их. «Мне хочется получить более умного братца после всего этого», – с ободряющей улыбкой говорила она, когда слуги грузили тяжелый ларь в повозку.

Тиана почти не говорила с ним, только бесшумно плакала. Он не удержался и спросил, есть ли у нее родимое пятно в виде зернышка пшеницы на животе, и если есть, то откуда жрец мог о нем знать.

– Атис, глупый! – всхлипнула она и улыбнулась, стараясь смягчить нелестное слово. – Меня за всю жизнь столько служанок мыли! И в девичьих банях мы без одежды отдыхаем. Конечно, если не приглядываться, его не видно... вот я бы точно не рассматривала животы тех, кто рядом... Но люди разные... Пусть боги их судят.

– Я глупый от любви, – вздохнул Атис, отгоняя видение маленького пятнышка пониже девичьего пупка.

Но самым запоминающимся оказался прощальный разговор не с Тианой, а с ее отцом. Советник Кардисс, не сдерживаясь в выражениях, прошипел Атису все, что думает о будущем зяте.

– Я вообще-то защищал честь вашей дочери! – вспыхнул Атис после десятого грубого обвинения в тупости и безголовости.

– Так поступают безмозглые простолюдины, и то не все! Жреца! – советник будто выплевывал обвинения. – Неприкосновенного! Почти под носом у фаррасха! Никакого изящества!

– Как это? – не понял Атис.

– Ох, я же говорю, недалекий... Что в тебе моя дочь нашла? – поморщился Кардисс и чуть понизил голос. – Аккуратно похищаешь, пытаешь, чтобы узнать все подробности и разведать, кто жрецу это рассказал, оскопляешь, снимаешь кожу, четвертуешь и скармливаешь собакам. И нет больше того, кто осмелился посягнуть на честь моей дочери. Все догадываются, куда делся неприкасаемый жрец, но доказать не могут. И больше никто даже в ночных видениях не осмелится повторить подобное в отношении Тианы. Вот это называется «защитить честь». И мне придется доделывать это за тобой.

Советник Кардисс не мигая смотрел на Атиса, пока тот не отвел взгляда. Глаза у отца и дочери были совершенно одинакового цвета – золотисто-медовые. Только вот у Тианы они светились, как закатное солнце, а у советника Кардисса казались мертвым камнем галуитом, который ценой жизни добывали горняки на окраинах Харрадола ради украшения храмов бога войны Разира.

Атис тряхнул головой, прогоняя из мыслей жестокого тестя. Через сто восемьдесят дней состоится свадьба, а потом они с Тианой уедут подальше от Дар-Харрада, в один из замков по ту сторону Великой Степи, и пусть советник Кардисс рассуждает о чести с кем-нибудь другим.

Букашка доползла до тени и снова стала обычной. Атис уже занес руку, чтобы прихлопнуть ее, но усмехнулся и просто смахнул на пол. Потом зевнул и вышел наружу, удивляясь, почему так долго нет Хирча.

Остальные жители заставы Сархар ютились в каменных хижинах, кое-как построенных еще первыми харидами, которые ушли потом в более плодородные места. Зачем держать здесь три десятка солдат, когда все торговые пути проходят намного восточнее, Атис не понимал. Он видел в этом только большую волю советника по государственным границам – озабоченного старика, которому везде мерещились враги.

У ближайшей к шатру хижины горел костер, и шустрый парнишка по имени Мигр жарил свежесловленную рыбу. Поклонившись Атису, он спросил, не желает ли господин десятник отведать жирного гампуса. Атис улыбнулся и молча покачал головой, хотя запах гампуса, самой вкусной морской твари в этих местах, приятно щекотал ноздри. Мигр ему нравился. Вездесущий и всезнающий, этот деревенский мальчик, казалось, сумеет договориться с кем угодно. Его и солдатом-то не считали – возрастом не подходил. Но за помощь на заставе его семья получала два серебряных ларга в месяц. Смешные деньги для Атиса и целое состояние для деревушки, где в ходу лишь медяки, а люди в основном живут обменом.

Чем именно Мигр покорила предыдущего десятника, который взял его в услужение, Атис точно не знал, но догадывался: белобрысый лохматый парнишка был всегда рядом, когда нужно что-то узнать, найти или достать. Потомственный рыбак, Мигр помогал солдатам, которые от безделья принаровились ловить рыбу. Он быстро и хорошо чинил старые сети, плел корзины

для улова и очень неплохо готовил. Это было выгодно для содержания заставы, так что траты на Мигра были оправданны. Кроме того, парнишка вносил веселую нотку в нудные будни – хорошо пел и рассказывал бесчисленные небылицы, заставляя спорить и хохотать всех, даже Хирча.

Проводив солнце и не дождавшись друга, Атис вернулся в шатер. Он выставил обещанную бутылку наружу, застегнул полог и, не раздеваясь, упал на ложе. Спать не очень хотелось, но чем раньше он уснет, тем скорее наступит завтра и вместе со стуком копыт по камням прилетит из Дар-Харрада долгожданное письмо.

Копыта простучали, казалось, едва он прикрыл глаза. В шатре была кромешная тьма – значит, всадник гнал коня в ночь, а это недобрый знак. Атис прислушался, но не к звукам снаружи, а к себе. Тревога, тихая и необъяснимая, зародилась у него в животе и сначала походила на несварение, но быстро разлилась холодом по всему телу.

Приглушенные голоса о чем-то спорили.

– Пустить, я не сплю! – крикнул Атис.

В тот же миг полог шатра откинулся, и в образовавшемся треугольнике зыбкого света факела возникла приземистая фигура в походном плаще.

– Тарс? – неуверенно спросил Атис, приглядываясь.

– Я, господин, – глухо ответила фигура и шагнула внутрь.

– Огня! – приказал Атис, тревожась все сильнее.

Тарс, слуга Тианы, был крепким и бодрым стариком, который знал и обожал свою госпожу с пеленок. Очень необычный случай: девушка доверяла все свои тайны именно ему, а не горстке вышколенных хорошеньких компаньонов, которыми окружил ее отец. Тарс слыл прекрасным наездником, и за это Атис его уважал, но у старика была болезнь со смешным названием «воробьиная слепота». В потемках он ничего не видел и никогда не ездил верхом ночами, несмотря на все свои умения. От одной мысли, что посланник Тианы прискакал среди ночи, у Атиса перехватило дыхание.

– Что с ней? – спросил он, когда вездесущий Мигр зажег два светильника и поспешно вышел.

– Госпожа Тиана в полном здравии, – переводя дух, сказал Тарс и опустился по знаку Атиса на стул.

Липкая тревога не отпустила Атиса, но дышать стало чуть легче.

– А что тогда?

– Мне очень жаль... – сочувственно вздохнул Тарс, протягивая три запечатанных письма.

Атис выхватил их из дрожащих рук старика и посмотрел на печати. Светло-голубая, темно-зеленая и красная. От Тианы, от матушки и от сестры. Атис поднял брови – Атайра ему еще ни разу не писала.

– Начните с послания матушки, – тихо посоветовал Тарс, когда Атис уже сломал светло-голубую печать с оттиском герба дома Кардиссов.

Непослушными пальцами Атис отложил письмо Тианы и развернул плотный листок, скрепленный темно-зеленой печатью, исписанный знакомым, но почему-то неровным материнским почерком.

Сын мой возлюбленный!

Пишу всего несколько строк, ибо знаю, что гонец Тианы уже в воротах Дар-Харрада, а она поклялась, что лишь он сможет быть у тебя раньше всех прочих.

Боги отвернулись от нашего дома. Отец твой при смерти. Лекари говорят, завтрашнего солнца ему не увидать. Он успел понять это и из последних сил просит у тебя прощения.

Открылись некие обстоятельства его казначейства, но ты не верь тому, что будут рассказывать люди. У твоего доброго отца были враги из приближенных к молодому фаррасху. Они сделали так, что, исполняя каждый каприз этого юноши, не готового к власти, отец твой довел казну до растрат. Была надежда на шахты и урожай, но волею богов случилось сразу два несчастья: обвал в горах и нашествие черной саранчи из Великой Стены. Если бы фаррасх прислушался к твоему отцу и пересмотрел свои желания, к следующему году все наладилось бы. Но у прислужников фаррасха голоса оказались громче, а речи – слаще для него, но горше для нас. Твой отец стал главным виновником растрат, и его доброе сердце не выдержало.

Мы с твоей сестрой двое суток без сна и еды молились великодушной Кайре, даже по древним обычаям принесли запретную нынче жертву, но она не пожелала нас услышать. У нашего дома осталось только мое приданое. Новый казначей Хафар не посмел нарушить брачного соглашения и отнял в казну то, что принадлежало моему бедному Дайдару.

Словом, кроме потери отца ты теряешь достаток. И, возможно, кого-то из друзей. Я не уверена, знает ли Хирч, что его отец – один из тех, кто оговорил твоего, но будь внимательнее с ним.

Что касается уважаемого советника Кардисса, он неизмеримо жесток, но умен и справедлив. Он понимает, что произошло, и пока не собирается расторгать вашу помолвку, но склонен отложить свадьбу. Думаю, Тиана сама напишет тебе подробности.

Бедная девочка, она так переживает за нас! Ты воистину счастливец, что она тебя любит. И верит, что ты и без отцовских денег сможешь продвинуться по службе. Я молюсь, чтобы в конце концов все разрешилось и честное имя твоего отца очистилось от наветов, а ты смог достойно отбить свою ссылку и вернуться здоровым.

Заклинаю тебя не мстить никому, пока не обретишь достаточно сил. А ты обретишь, я неистово в это верю. Держись, мальчик мой, надежда моя, сердце мое. Полторы сотни дней – это не так и много. Жду времени, когда смогу обнять тебя.

Мама

Письмо сожги.

По мере чтения сердце Атиса колотилось все сильнее, а холод тревоги сменился огнем ненависти. Зарывав, он скомкал письмо и бросил на пол. Тарс, кряхтя, поднял бумажный ком и протянул ему, кивнув в сторону светильника. Атис безропотно подчинился, и на какой-то миг в шатре стало чуть светлее от горящей бумаги.

В полной тишине шелест следующего разворачиваемого письма показался оглушительным. Маленькие круглые буквы, которые он так любил складывать в слова, то там, то тут расплывались, будто оно попало под дождь.

Атис, любовь моя! Прости, что трудно читать, я не могла не плакать. Впервые не знаю, что писать тебе, а ведь хотелось так много сказать.

Тарс выезжает прямо сейчас, ему одному я могу доверить это важное и срочное дело. Отец запретил переписываться с тобой, пока не придет конец ссылке. Отныне все мои письма будут тайными.

Я недавно вернулась от твоей матушки. Мы вместе молились о здоровье господина главного казначея. Ой, прости, бывшего казначея. Это чудовищная несправедливость!

Боюсь говорить, но все же скажу: боги недалёковидны, если допустили обвинение твоего отца, он добрейший человек, я мечтала называть его отцом после нашей свадьбы. Сердце мое рвется на кусочки. Умоляю тебя, будь осторожен! Я знаю, ты захочешь наказать виновных, но не надо! Отцу не поможешь, а себе навредишь.

Тарс отдаст тебе оберег, который я сплела сама. Носи его на левой руке. Силы есть не только у божественной Четверки, пусть иные могущества тоже присматривают за тобой.

Если будешь писать ответ, постарайся сделать так, чтобы в письме не нашлось ничего порочащего. Я могла бы попросить тебя вообще не писать, но это выше моих сил. Твои письма лежат у меня под подушкой и дают силы ждать. Считаю дни до встречи.

Люблю тебя более всего на свете!

Навеки твоя Тиана

Атис еще раз пробежался глазами по размытым строчкам и бережно сложил письмо. Тарс, все такой же безмолвный, протянул Атису маленький мешочек. В нем был браслет, сплетенный из конского и человеческого волоса. Он был пропитан чем-то придававшим тяжесть и плотность. Атис принял. Запах был скорее неприятным, будто целебные травы, от которых свербит в носу и дерет глотку. Атис чихнул и с помощью Тарса завязал браслет на левом запястье.

Оставалось последнее письмо, и Атис не торопился его читать.

– Эй, кто-нибудь! – крикнул он.

Разумеется, кто-нибудь оказался Мигром.

– Проводи этого человека и устрой на ночлег, – приказал Атис, не глядя на парнишку. – Хорошую кровать. Накормить, дать лучшей выпивки, если пожелает.

– Благодарю вас, господин, – Тарс тяжело поднялся, поклонился и вышел.

Атис открыл двадцатую бутылку матушкиного вина и несколькими глотками осушил до половины. Выдохнул, сел к светильнику и сломал красную печать.

Брат мой, мы в навозе по самое горло. Отцовская доброта вышла ему таким боком, что завтра, скорее всего, мы будем молиться у холодного тела. Матушка тебе написала, и я уверена, что ты прочел ее письмо первым, так что не буду повторяться.

Я не дрянь бессердечная, и я скорблю вместе со всеми, но за слезами должно следовать что-то более дельное. У нас теперь почти нет друзей и совсем нет богатства. Если советник Кардисс передумает отдавать за тебя Тиану, это будет конец. Сам понимаешь, я сейчас не очень завидная невеста. А ведь оставалось совсем немного до нового бала, где я могла рассчитывать, по словам отца, на пристальное внимание фаррасха. Так вот, ты просто обязан сделать так, чтобы хотя бы ваш брак состоялся.

Мы отомстим им, братец. Они все умоются кровью. Копи злость и силы – они тебе пригодятся.

Ты все же дуралей. Если бы не твоя выходка, ты уже был бы зятем Кардисса. Но чего уж теперь!

Совет при фаррасхе ведет расследование дел нашего бедного отца. Я понятия не имею, что нароют эти падалыцики. Если получилось бы женить тебя на Тиане поскорее, через нее мы были бы защищены. Знаешь, божественные оковы не разрубит и сам фаррасх. Подумай, как это сделать.

И я подумаю. Потому что нет никакой уверенности в том, что Кардисс не изменит своего решения.

Сил тебе, братец. Надеюсь, ты прочитал хотя бы «Основы власти».

А еще надеюсь, что ты додумаешься уничтожить это письмо.

Все равно люблю тебя,

Атайра

Ошарашенный, Атис даже не заметил, что огонь от горящей бумаги лижет его пальцы, и отдернул руку, когда уже стало нестерпимо больно.

– Атис! – вдруг раздалось снаружи.

Не дожидаясь разрешения, в шатер вошел Хирч. Он был в полном снаряжении, как будто собирался драться. Принюхавшись, Хирч осмотрелся.

– Письма сжигаешь? – спросил он.

– А ты почему не спишь? – ответил Атис вопросом на вопрос.

– Ну ты даешь! – хмыкнул Хирч. – Если в ночи на заставе гремят копыта чужой лошади, спать будет только тупоголовый будущий покойник.

– А, ну да... – эхом ответил Атис, вспомнив слова матушки об отце Хирча.

– Что случилось?

– Отец при смерти.

– Ох... Мне жаль... – сказал Хирч совершенно искренне.

Чуть ли не больше, чем боевой удали друга, Хирч завидовал его отношениям с отцом, но при том любил главного казначея. Атис знал это и не усомнился в искренности, но ничего сверх этого не сказал другу.

– Я должен ехать, – решительно выдохнул Атис.

– Куда? – недоуменно поднял брови Хирч.

– Домой.

– Ты с ума сошел? Какой дом? Ты в ссылке!

– Так надо. Я быстро обернусь. У вас все равно тут скука смертная, – попытался улыбнуться Атис.

– Но ты нарушаешь волю Его Светимости! – воскликнул Хирч.

– Он не узнает, если... – Атис выдержал паузу, – если ты не сообщишь.

Хирч, задохнувшись от праведного гнева, смог лишь грязно выругаться.

– Ну, вот и уговорились. – Атис хлопнул друга по плечу. – Можешь выпить одну бутылку моего вина. Но только одну, понял? Других до конца ссылки не будет. – Он помолчал и мрачно добавил: – И вообще не будет. Прикажи собрать моего коня, но сбрую простую.

– К рассвету? – уточнил Хирч.

– Сейчас. И принесите плащ Тарса. И его шляпу.

Когда взошедшее солнце подкрасило белые скалы Сархара в нежно-розовый, Атис Разноглазый был уже далеко. А через сутки на заставу прибыл гонец от отца Хирча с новым приказом, подписанным фаррасхом.

4

Атису удалось преодолеть пятидневный путь за двое суток безумной скачки. Если бы он не был так изможден, то гордился бы собой. Впрочем, трое загнанных коней – не очень хороший повод для гордости. Четвертому, который с трудом переставлял дрожащие ноги, Атис поклялся, что в Дар-Харраде его ждет лучшая конюшня.

– Дружище, осталось немного, давай, дотерпи! У тебя будет сено и зерно, наш скотный лекарь быстро вернет тебя к жизни, – говорил он коню, пока тот, роняя розовую пену, смотрел вперед остекленевшими и измученными глазами.

У стен Дар-Харрада они оказались в предрассветных сумерках, когда Западные Врата еще закрыты, но крестьянские повозки с зеленью уже выстроились в очередь. Атис спешил и, не торгуясь, купил с ближайшей телеги мешок с яблоками. Погрузил на коня, чтобы сойти за перекупщика, натянул шляпу по самый нос, а плащ и лицо припудрил светло-желтой дорожной пылью.

Когда врата открылись, толпа хлынула в город, как речка, пробившая запруды. Впервые в жизни Атиса не раздражали вонючие нищие, суетливые деревенские бабы и грубые горластые скотники, что гнали отары овец на рынок. Наоборот, Атис постарался быть в самой гуще толпы. Проходя мимо стражников, он старательно ругал несчастного коня, подражая акценту детей Великой Степи. Хитрость удалась – стражники лишь мельком глянули на него с тем непередаваемым выражением, что отличает столичного жителя, будь он хоть последним нищим, от вольного, но неотесанного сына диких просторов.

У ближайшего городского источника Атис намочил морду коню, но напиться не дал.

– Нет, друг, много пить сейчас тебе нельзя, тогда точно околеешь. Скоро дойдем, там все будет.

Однако до нужного места идти пешком оказалось не так близко. Атис с удивлением осознал, что многие годы передвигался по городу исключительно верхом и неверно оценивал время и расстояние. Они шли, спотыкаясь на щербатых камнях мостовой, и Атису иногда приходилось бить коня, чтобы тот не рухнул прямо посреди улицы.

Переулок Зеленщиков больше походил на заросшую аллею. Ни одной стены, только решетки заборов, увитые колючим плющом, да разновеликие двери и калитки – черные ходы для слуг досточтимых советников. В этот ранний час здесь было не протолкнуться от повозок и тачек со свежими продуктами. Бодрые и веселые зеленщики передавали охапки свежих трав и корзины овощей таким же бодрым служанкам, шутили, беззлобно переругивались, понукали неторопливых лошадей и осликов. На Атиса с его заморенным конем и мешком яблок никто не обращал внимания, и он наконец оказался у заветной калитки, ведущей в сад советника Кардисса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.